

Концептуализация транспозиции в семиотике литературы Ю. М. Лотмана

Каталин КРОО*

ELTE BTK Orosz Nyelvi és Irodalmi Tanszék, H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D., Magyarország

Received: 7 January 2024 • Accepted: 15 January 2024

© 2024 The Author

АННОТАЦИЯ

В статье изучается семиотическое явление транспозиции, предпринимается попытка разработать его понятийное определение и описание в общих рамках семиотики культуры и, в частности, в семиотике литературы Юрия Лотмана.

Если понятие транспозиции в семиотике культуры входит в такие области научного исследования как трансмедийность, переводоведение, интертекстуальность, интердискурсивность, интерсемиотика, то в семиотике литературы Лотмана транспозиция концептуализирована – непосредственно или через опосредование без превращения самого термина «транспозиция» в ключевой – в окружении и свете таких понятий как граница; контекст – в вариантах: «контекстные структуры», «конструктивные контексты», «семантические структуры»; семантическая «упорядоченность» (в том числе и «частичная» и «дополнительная»); условность; бинарность и плюральность; множество и «подмножество» / «субсемиосфера»; семиосфера и т. д.

Перечень составляющих понятийного фона для изучения транспозиции в литературно-семиотическом понимании Лотмана сам по себе свидетельствует о том, что исследование в данном направлении приводит к выяснению экстенсивного терминологического поля и органических взаимосвязей элементов внутри него. С другой стороны, проследивание данных понятий на основе многочисленных текстов (от работы «О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры», через «Структуру художественного текста», до работ 90-х годов), возникающих по ходу эволюции научного достижения ученого, позволяет подчеркнуть когерентность теоретической работы, относящейся к так называемым «структуралистскому» и «постструктуралистскому» периодам его мышления.

* Corresponding author. E-mail: katalinkroo@gmail.com

Толкование в статье согласованности понятий Лотмана в разнообразных его подходах к литературному тексту, ориентированных на понимание внутри- и внетекстовых форм культурного общения, в котором литература участвует в разных измерениях, позволяет видеть транспозицию в понимании ученого как гарантий текстовой динамики. Текстовая динамика в смысле порождения нового смысла толкуется в статье в свете операций *дифференциации* в ракурсах принципов реляционности и взаимопроекции определенных микро- / макроэлементов и -контекстов, а также смен их упорядоченностей. Эти смены воплощают транспозиции, несущие смысловые трансформации и приводящие к возникновению новых семиотических условностей.

Транспозиция в итоге осмысляется как семантический генератор, касающийся в семиотике литературы Лотмана толкования события в качестве «перемещения персонажа через границу семантического поля»; оформления семантического сюжета; умножения бинарностей, превращающихся в составляющие плюральных формаций; развития семиотических условностей в поэтике литературного текста и метадискурсивности литературы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

транспозиция, семиотика литературы, Юрий Лотман, контекст / контекстные структуры, условность, бинарность, смена / трансформация упорядоченностей, семантическая граница, текстовая динамика, смыслопорождение

1. ЗНАЧЕНИЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСПОЗИЦИИ

1.1. Определение значения изучения понятия транспозиции возможно с двух сторон. Сначала следует назвать важные направления современных гуманитарных исследований, тесно связанных с семиотикой, которые ставят в центр внимания такие масштабные темы как трансмедийность, транскультурность, интерсемиотичность и семиотику перевода. Ни одна из этих областей исследования не может игнорировать семиотическое явление транспозиции, в самом широком смысле понимаемой как перевод, переложение, культурная трансляция определенных текстов в другие тексты культуры в разных медийных, жанровых, дискурсивных и т. д. вариантах. Ограничивая постановку темы настоящей статьи областью семиотики литературы, важно отметить, что определение и разностороннее толкование действия и смыслопорождающего потенциала транспозиции в литературной культуре могут служить методологическим критерием подхода к пониманию дисциплинарного идентитета литературной семиотики в контексте семиотики культуры. Задавшись указанной целью, в статье Кроо–Тороп транспозиция была предложена как один из трех основных векторов (наряду с категорией медиации и временности–пространственности) семиотического изучения динамических процессов в литературном тексте. Понятие транспозиции в смысле процесса и семиотического результата включает в себя разносторонние смыслопорождающие механизмы и формы означивания. Ср.:

The main categories under which the crucial aspects of textual / cultural dynamics will be examined are the following: (1) mediation; (2) transposition; (3) temporality–spatiality. [...]

Transposition: meaning generation, transferring shifts, semantic transformations, interlevel dynamics, text–metatext, structural-semantic inclusion, integration, hierarchization, translation as transposition, transmedial translation, etc. (Kroó–Torop 2018: 160).¹

В настоящей статье мы постараемся обратиться в теоретическом плане к исходной концептуализации транспозиции, как это эксплицитно или скрыто, через терминологическое опосредование, появляется уже в раннем научном творчестве Юрия Лотмана.

С терминологической проблематикой связана вторая возможная контекстуализация значения постановки данной темы. Изучение понятия транспозиции дает возможность, с одной стороны, ввести другую логику членения в терминологический мир Лотмана. С другой стороны, становится более наглядной когерентность понятийной системы ученого в рамках всего его научного творчества. Речь идет о том, что если выбрать ключевые понятия, через которые определяются механизмы *порождения смысла* и «*мыслящих миров*» согласно концепции Лотмана, то нетрудно прийти к консенсусу. Среди наших понятий безусловно будут фигурировать *плюрализм языков* (полиглотизм) при *двусоставности* в смысле *асимметрии элементов семиотических систем и их компонентов*; активность *границы* как условие семиотической коммуникации внутри и между текстами; неизбежность *перевода* в целях толкования (т. е. создания доступа к значению) любого культурного текста или сообщения, это связано также с заинтересованностью и способностью культуры к *диалогу между своим и чужим* (в системе полилога) – и все эти аспекты известным образом синтезированы в понятии *семиосферы*.

1.2. В фокусе нашего внимания в настоящей статье стоит новое, вариантное терминологическое поле – дифференцирование, семантическая структура, упорядоченность, контекст, условность. Транспозиция прежде всего толкуется как *дифференцирование смысла*, как оно проявляется в основе порождения нового значения в семиотическом пространстве (семиосфере). Под транспозицией понимаются переходы через границы. Вспомним определение Лотманом события в литературном тексте, утверждающее, что «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» (Лотман 1970: 282). Область и рамки порождения события имеют широкий диапазон. Лотман исключает отождествление события с описанием «некоторого факта или действия в их отношении к реальному денотату или семантической системе естественного языка», т. е. семантическое соответствие какого-то художественного элемента внетекстовому денотату, так и его соответствие означаемому, взятому из семантической системы естественного языка. Вместо этого, по его мнению, необходимо установить место данного элемента «во вторичном структурном семантическом поле, определяемом типом культуры». Приобретение статуса события зависит и от того, на каком структурном уровне помещен «тот же самый эпизод» «в пределах одной и той же схемы культуры». Так как «наряду с общей семантической упорядоченностью текста» имеются и «локальные» со своими индивиду-

¹ Ср. также феномены, включенные в понятия *медиации* и *временности–пространственности* – “*mediation*: cultural connections, relational semantics, interpretation and translation as mediation, the dialogue between addresser and addressee of cultural texts and communication modelled in them, mediatory structures, etc.; [...] *temporality–spatiality*: processuality, disruption, disjunction, statics / stillness vs. dynamics, narration vs. description, gradual change vs. explosive change (‘explosion’), the temporal–spacial, chronotopes, centre–periphery, etc.” (Kroó–Torop 2018: 160–161).

альными понятийными границами, событие может создаваться как «иерархия событий более частных планов, как цепь событий – сюжет» (Лотман 1970: 282).

Хотя Лотман интерпретирует сюжет в контексте события, ясно, что это происходит в *семантической* перспективе, т. е. событийность толкуется как *семантический сдвиг*.² В любом случае переход через границу в смысле *семантического* действия (перемещение через семантическое поле) теснейшим образом связан с тем, что Лотман по ходу всего своего научного творчества утверждает необходимость перевода или осознания непереводаемости в толковании смысла, т. е. в акте семиотического общения. В философском смысле транспозицией можно считать также тот тип трансгрессии, который В. Т. Фаритов оценивает в его связи с постструктуралистской метафизикой, неотделимой от проблемы неопределенности, свободной семантической открытости, а также с плюрализмом и в этом смысле с понятием стереоскопичности (Фаритов 2017).³

С сугубо композиционной точки зрения, в раннем творчестве Лотмана перенесение, перемещение, перенос в смысле понимаемой нами транспозиции связаны со *сменой структурных уровней* – тут речь идет, например, о связи синтагматики и парадигмати-

² В наших исследованиях мы считали целесообразным и теоретически обоснованным различать феномены и понятия *событийный сюжет* и *семантический сюжет* (Кроо 2005: 7). К толкованию такого различия следует добавить, что как Лотман это утверждает в представленном выше месте «Структуры художественного текста», событийность в той чистой форме, как подразумевается реализация его смысла в сюжете, развертывающемся в виде перемещения *героя*, тоже функционирует *семантическим* образованием. Тем не менее, придерживаемся мнения, что в литературном тексте возможно и необходимо проследить изолированно от контекста изображенного в произведении действия динамику семантических процессов, улавливаемую и описываемую в рамках толкования семантического сюжета. *Семантический сюжет* определяется как «отдельные линии и совокупность определенных смыслопорождающих процессов в литературном тексте, включая, в качестве их органической части, *событийный сюжет* произведения. *Семантический сюжет* отдельного мотива равняется тем ходам смыслоформирования, развитием и согласованностью которых определяется *поэтическая история эволюции смысла* мотива в данном художественном контексте» (Кроо 2005: 7, см. еще Кроо 2005: 227–228; наше определение вошло в терминологический обиход и цитируется в работах: Печерская 2007, Сузрюкова 2023: 59; развитие теоретического изложения дальше см. Кроо 2019). Возвращаясь к предыстории формирования понятия, для имплицирования термина см. Ю. Тынянова, который различает понятия «сюжет как фабула» и «установка на словесный план» (Тынянов 1977: 60–61); для употребления термина «семантический сюжет» см., например: Сегал 1992: 486 et passim.

³ См. связь понятия стереоскопичности, включающей в себя смысл способности видеть предметы с разных сторон, с понятием точки зрения. Стереоскопичность возникает, с одной стороны, благодаря неполноте информации, которая «может полезно восполняться лишь стереоскопичностью точек зрения сообщения». Трудность взаимопонимания отражает и в то же время требует интеграции (см. понятие интеграции: Лотман 2000d: 585) чужой точки зрения и как раз такая интеграция соответствует переводу: «акт коммуникации уподобляется не простой передаче константного сообщения, а переводу», который влечет за собою как некоторую потерю, так и обогащение «„меня“ текстами, несущими чужую точку зрения. В результате „я“ получаю возможность стать для себя также „другим“» (Лотман 2000a: 554). Разнородность, таким образом, приводит к переводу, но лишь тогда, если она действует в той же обрамляющей системе. На наш взгляд это может воплощаться – конечно, в разных перспективах – в одной и той же коммуникативной системе, или можно это проецировать и на участников коммуникации. Заинтересованность в переводе возрастает «по мере усложнения структуры личности адресанта и адресата, по мере индивидуализации того набора кодов, которые составляют содержание сознания личности» (Лотман 2000b: 563). Стереоскопичность творит возможность «получить совершенно иную проекцию той же реальности, перевод ее на совершенно другой язык» (Лотман 2000c: 579). Коммуникативный акт интересен тем, что в нем развивается «нетождественность тех моделей, в форме которых отображается внешний мир в их [участников коммуникативного акта – К. К.] сознании. Это достигается при несовпадении образующих их сознание кодов» (Лотман 2000c: 579).

ки; о разных текстовых уровнях и пластах; в духе лексики Лотмана восьмидесятых годов можно сказать: о связи с семиосферой и разными подсемиосферическими пространствами; вспомним выражение ученого: «субсемиосферы» (Лотман 2000е: 263; ср. «подмножество» – Лотман 1970: 304). Лотман называет сферы, между которыми происходят транспозиции, как сферы упорядочения (по сути дела эти транспозиции воплощают развитие смысла, т. е. акт семантического дифференцирования в форме перевоплощения старого значения в новое). Между этими сферами транспозиция обеспечивается переводом (даже при таких условиях, в которых полный перевод невозможен). В своей книге «Структура художественного текста» Лотман говорит помимо общей упорядоченности о «дополнительных», а главное, о «локальных» упорядоченностях (см. цитату выше, Лотман 1970: 282), и продолжая также цитировать определение в контексте толкования ученым феномена сюжета, стоит вспомнить и о выражении «частная упорядоченность»: «а сверх того могут возникать частные упорядоченности, в достаточной мере автономные от основной» (Лотман 1970: 288). Независимо от того, опираемся ли мы на «структуралистского» Лотмана или на идею интерпретатора семиосферы, приходим к созвучным концептуализациям. В рамках общей семантической упорядоченности указываются частные системности (они и называются «семантическими структурами» – Лотман 1970: 289), а внутри семиосферы эти упорядоченности переименовываются субсемиосферами. В толковании семиотического функционирования, т. е. порождения значения, речь идет в обоих случаях о множественном и многообразном пересечении границ, о перемещении, т. е. о транспозиции:

Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое «я», реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому их описывающему метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему (Лотман 2000е: 263).

Из сказанного методологически вытекает, что при интерпретации транспозиции опять не следует отделять друг от друга так называемого структуралистского и постструктуралистского Лотмана, так как толкование указанного семиотического феномена является константом целостного лотмановского творчества и научного наследия. В то же время термин «упорядоченность» можно толковать в смысле семиотической системности и подсистемности, границы которых обеспечивают дифференцирование путем отделения друг от друга сфер семиотизации. Эти сферы затем, в результате пересечения через границы, перемещения, перевоплощения, перевода, т. е. транспозиции, оказываются в своих соотношениях активными смыслообразующими пространствами. Термин «упорядоченность» в этом смысле функционально полностью соотносится с тем, что Лотман также в «Структуре художественного текста» называет «контекстными структурами» (см.: «Эта способность элемента текста входить в несколько контекстных структур и получать соответственно различное значение – одно из наиболее глубинных свойств художественного текста» – Лотман 1970: 79) и «конструктивными контекстами» (Лотман 1970: 101). Эти контексты объясняются на фоне идеи о «сложной структуре взаимопересекающихся

подструктур с многократными вхождениями одного и того же элемента в различные конструктивные контексты» (Лотман 1970: 101). Привлекает на себя внимание органическая связь понятия *упорядочения* с понятием *контекста* как семантической структуры. С другой стороны, понимаемый таким образом контекст очень напоминает то, что Лотман и Успенский называют *условностью*. Под семиотической условностью по сути дела понимаются принятые условия соответствия между какой-либо отображающей и отображаемой системами (см. также Лотман–Успенский 1970). В другом аспекте, Лотман в своей статье «Заметки о структуре художественного текста» (Лотман 1971), говорит о том, как в искусстве воплощается деформация жизни не в смысле искажения, а в том смысле, что текст закономерно является изоморфным объекту, и в одно и то же время знаки, обозначающие объект, являются измененными по отношению к этому объекту (Лотман 1971: 286). Тут речь идет о перекодировке «текста в иную систему знаковой записи» (Лотман 1971: 285) – это и соответствует транспозиции.

При подчеркивании двойственности перекодировки в смысле ее результата, в котором сочетается изоморфность объекту перекодировки (понимаемому как текст) с его изменением (деформацией), Лотман подчеркивает, что указанная деформация «полностью определяется известным положением об условности любой знаковой системы, отличии обозначающего от обозначаемого» (Лотман 1971: 286).

1.3. Подытоживая сведения, полученные на основе приведенных в единый интерпретационный комплекс таких сочетаемых понятий и терминов как «контекстная структура» (и шире контекст, о котором речь пойдет ниже), упорядоченность как семантическая системность, субсемиосфера, семиотическая условность, можно прийти к выводу, что они составляют единый фон для выяснения транспозиции как семиотического действия порождения смысла путем дифференциации значения.

Заканчивая выяснение определения важности изучения транспозиции, можно прийти к выводу, что оно дает возможность осознать последовательность и когерентность семиотического осмысления порождения и динамического перевоплощения смысла в литературном тексте, и также – систематичность употребляемого Лотманом терминологического комплекса для концептуализации указанных понятий. Такая континуальность оправдывает позицию таких ученых, которые подчеркивают внутреннюю связанность целостного научного творчества от ранних работ до последних произведений. Ср.:

На самом деле, впечатление о радикальной новизне позднего Лотмана может возникнуть, если смотреть на него извне. Если же погрузиться в собственные работы Лотмана и вновь пройти шаг за шагом по главным этапам его исследовательской биографии, тогда образ нового Лотмана-постструктуралиста (или же Лотмана-общенца и диалогиста) вряд ли будет убедительным. То, в чем видится радикальное изменение, окажется скорее новым акцентом, сдвигом внимания, иногда новым способом выражения мыслей [...], но, во всяком случае, не отказом от принципов работы, которые сложились в 1960-е годы и уточнялись в течение всей жизни (Автономова 2009: 217).⁴

⁴ Данный отрывок цитируется и в важной работе (Салупере 2017: 29).

2. ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ)

Вернемся к процитированному определению Лотманом события: утверждение, что оно представляет собой «перемещение персонажа через границу семантического поля», получает эквивалентную, расширенную формулировку в русле определения сюжета как развернутого события – это «переход через семантический рубеж» (Лотман 1970: 288). Тут важно подчеркнуть, что хотя действие в литературном произведении основывается на предположении наличия проистекающих событий, слагающихся из поступков литературных персонажей, художественного представления фабулы, т. е. событийного сюжета, Лотман, как об этом уже говорилось раньше, перетолковывает понятие сюжета, акцентируя его семантическую функцию. Он ставит в центр образ героя, который переходит или не переходит границу между запрещенным и предоставленным ему пространствами, разделяемыми препятствиями, которые должны быть преодолены. Но такое действие (оно и воплощает сюжетность) или его отсутствие (бессюжетность, хранящая «установленный порядок» и «незыблемость границ» [Лотман 1970: 287], которые не нарушаются, ср.: «Движение сюжета, *событие* – это пересечение той запрещающей границы, которую утверждает бессюжетная структура» [Лотман 1970: 288]) важны не только конкретной семантизацией миров и антимиров, но и тем, что их смысловая нагрузка содержит в себе направление семантической абстракции. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что герой движется в пространстве (это и есть его сюжетная транспозиция), из чего, как говорит Лотман, «ясна зависимость понятия события от принятой в тексте структуры пространства» (Лотман 1970: 288). «Поэтому сюжет может быть всегда свернут в основной эпизод – пересечение основной топологической границы в пространственной его структуре» (Лотман 1970: 288). Пространственные границы осмысляются как семантические границы, которые составляют системность, возвращаясь уже к знакомому нашему термину, – семиотическую упорядоченность (Лотман 1970: 288). Бинарности (по сути дела: содержание мира и антимира, представляющих собой частичные или автономные миропорядки) в своем контакте, благодаря герою, переступающему границу (т. е. его транспозиции), порождают новые конфигурации отношения преодолевшего препятствия героя к данным мирам и границе между ними, вызывающей сюжетное действие (переход через «семантическое поле») (Лотман 1970: 291). Семантичность сюжета, содержащая в себе как основное условие развертывание семантизации (в том числе и многочисленных бинарностей, которые частично или автономно соотносятся), помимо своих пространственных свойств подчеркивается и тем, что Лотман указывает на предысторию определения сюжета Александром Веселовским, Виктором Шкловским и Владимиром Проппом. Он имеет в виду мысль Веселовского «о знаке мотиве как первоэлементе сюжета», «синтагматический анализ» Проппа и «синтагмо-функциональный разбор» Шкловского, который учитывает и комбинацию стилистических мотивов (Лотман 1970: 282). Как утверждает Лотман: «„прием“ у Шкловского – отношение элемента одной синтагматической структуры к другой и, следовательно, включает семантический элемент» (Лотман 1970: 281).

В итоге можно сказать, что в толковании Лотманом сюжета в литературном произведении понятие топологической транспозиции героя сосредоточивается на продвижении вперед и перемещении в области семантики, т. е. по сути дела Лотман в понятии сюжета сочетает и показывает два созвучных принципа, то, что по сегодняшнему нашему пони-

манию назвали бы событийным сюжетом (действие литературного произведения) и семантическим сюжетом (процессом «дифференциации»). Характер персонажа воплощает «набор всех данных в тексте бинарных противопоставлений», и вся совокупность включения его в соотношения дифференциальных признаков выдает семантическую парадигму (Лотман 1970: 304).

3. ТРАНСПОЗИЦИЯ КАК ПРИНЦИП СООТНЕСЕННОСТИ (РЕЛЯЦИОННОСТИ) В МИКРО-, МАКРО- И ПЛЮРАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ

По какой причине мы подвели наше изложение к проблеме бинарностей, которые имеют смысл лишь как составные части плюрально-комплексной семантической парадигмы? Во-первых, по той причине, что данный смысл плюральности бинарностей повторяется в концептуализации семиосферы – ср., например: «Семиотическое пространство характеризуется наличием ядерных структур (чаще нескольких) с выявленной организацией и тяготеющего к периферии более аморфного семиотического мира, в который ядерные структуры погружены» (Лотман 1984: 12). Это опять свидетельствует об органической связи работ Лотмана, принадлежащих к 60-м, 70-м и 80-м годам и поздним периодам научного творчества. Во-вторых, мы довели изложение до проблемы бинарностей, составляющих плюрально упорядоченные формы семантизации, потому что идея *множественности соотнесенности* (как семантические соотношения в плюрально комплексном семиотическом пространстве в качестве *макроконтекста*) возвращает нас к значению *феномена контекста* в русле вопроса транспозиции. Бинарность как ядерную структуру мы упоминаем сначала в перспективе *микроконтекста*.

Имеется в виду минимальная ядерная структура бинарностей. Такой акцент можно толковать подчеркиванием общего структуралистского принципа, – данное определение приводят И. А. Пильщиков, Н. В. Поселягин, М. В. Трунин в своей вступительной статье к книге «Ю. М. Лотман о структурализме. Работы 1965–1970 годов» (Таллинн, 2018), когда авторы оценивают книгу «Лекции по структуральной поэтике» Лотмана:

Пафос книги – структуралистско-соссюрианский. Языковые элементы и, по аналогии, элементы художественной структуры определяются не своими субстанциональными свойствами, а отношениями друг с другом, обуславливающими их соотнесенность и противопоставленность (Лотман вводит неологизмы: «со-противопоставление», «со-противопоставимость» [эти термины звучат и так: «со- и противопоставления» и «противопоставления-сопоставления», см. там же в сноске 6 – К. К.]) и своими функциями в общей системе [...] (Пильщиков–Поселягин–Трунин 2018: 15).

Лотман подчеркивает, что вместо элементов в их изолированности рассматриваются их соотношения между собой и «отношения их к структурному целому». Из этого вытекает возможность изучения «функциональной природы системы и ее частей» (ср. Лотман 1964: 5–6, цит. Пильщиков–Поселягин–Трунин 2018: 15). С точки зрения сочетания проблемы транспозиции с понятием контекста для нас любопытна сейчас не сама лотманов-

ская дефиниция, которая впрочем совсем не противоречит трем аспектам определения структурализма ученым Пиаже: он говорит о целостности, авторегуляции и трансформации (Hawkes 1985: 16). Понятия *бинарность* как ядерная структура семантического соотношения, *транспозиция* и *контекст*, по нашему мнению, соотносятся следующим образом.

Важно подчеркнуть, что принцип соотношения в своей форме ядерной структуры бинарности А–Б составляет такое минимальное семантическое образование, в котором компоненты взаимно проецируются друг на друга. Микроконтекстом А является Б и наоборот. Функция микроконтекста сводится к проекции. А имеет смысл на фоне Б. Проекция здесь и во всех бинарных соотношениях, также как и в осуществлениях их умножения, представляет собой семантическую транспозицию в рамках эквивалентности. Проекция, это двусторонняя транспозиция смысла, туда и обратно, ведь корреляция – это взаимная семантическая обусловленность соотнесенных элементов, а ядерную структуру бинарности можно оценить как микроконтекст транспозиции. Порождение смысла семиотически начинается в контексте, а этот контекст представляет собой признак системности. Данная системность лежит в основе умножений бинарностей, или подмножеств или субсемиосфер, как говорится позже Лотманом. Структурно-функциональная взаимосвязанность интересует его именно с точки зрения контекста, когда он указывает, что «вне данной структуры [...] такое относительное содержание» (см. общность : различие) не возникло бы (Лотман 1964: 102–103, см. Пильщиков–Поселягин–Трунин 2018: 16; ср. Лотман 1970: 17, 181). Именно контекст относительности, который обеспечивает проекцию-транспозицию, гарантирует поэтический смысл. Следует вспомнить здесь и идею «тесноты стихового ряда», сформулированную Юрием Тыняновым, которая, как все тыняновское наследие, значительно повлияла на Лотмана (ср. также: Пильщиков–Поселягин–Трунин 2018: 16). А речь там идет не только о новом контексте в результате соединения элементов, но и значительно учитывается принцип соотношения части и целого. Для Лотмана уже в знаменитой статье 1963 года «О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры» одним из кардинальных пунктов изложения является постоянное динамическое перемещение контекста, реализуемое, помимо прочего, за счет трансформаций соотношения части к целому. Ведь «целое дается лишь через понимание частей, но части постижимы только в их отношении к целому» (Лотман 1963: 50). Постоянное требование возвращаться к целому при толковании части (детали), сформулированное в виде метафоры динамической «спирали» (Лотман 1963: 50), вызывает тем, что «структурная семантика слова находится всегда в определенном отношении к контекстному-языковому значению» (Лотман 1963: 50), а раз изменяются эти контексты (благодаря многочисленному включению слова в разные структурные контексты), транспозиция контекста влечет за собою трансформацию между частью и целым. Перемещение контекстов в процессе восприятия учитывает «включение слов в сложную и разноплановую структуру» (Лотман 1963: 49). Такие постоянные по сути дела транспозиции обеспечивают одновременно многоплановость и однозначность слова. Художественное слово таким образом становится не многозначным, что редуцировало бы его информационную ценность, а многозначительным, так как в результате многоплановости (можно было бы сказать: многоконтекстуальности) «каждый из аспектов структуры (частная структура) дает слову свое семантическое наполнение, однозначность с тем, что чем больше противопоставлений-сопоставлений определяют слово в данной [можно уточнить: и целостной –

К. К.] структуре, тем индивидуализированное его значение, однозначнее по отношению к замыслу автора» (Лотман 1963: 49).

В англоязычной статье Лотмана 1979 г., в тексте, высланном в форме письма на зарубежную конференцию, а затем опубликованном на английском языке в журнале *Poetics* 8, уже чисто формулируется смысл о созвучности гетерогенности внутритекстовых и вне-текстовых контекстов:

Meaning-forming processes take place both due to the interaction between semiotically heterogeneous and mutually untranslatable layers of the text and as a result of *complex conflicts of meaning between the text and a context that is alien to it*. [...] The combination of the internal heterogeneity of the text and the heterogeneity of the context leads to semantic 'flicker effect' – the oscillation of meanings between several extreme constants [курсив – К. К.] (Lotman 1979: 505).

Вернемся после этого к идее ядерной структуры бинарностей, которые постоянно умножаются, а семантическое действие в их рамках проистекает в результате взаимного движения между полюсами. Благодаря взаимотранспозиции элементов бинарности происходит чередование их семантических проекций (транспозиция А в Б и Б в А и т. д.). Когда Лотман говорит об осцилляции смыслов между полярными константами (а это уже касается динамической связи, т. е. транспозиции, более объемных формаций, какими являются подтексты – через несколько лет, в 1984 г. появится и понятие субсемиосферы – и гетерогенные внетекстовые контексты), то можно предположить действие того же явления транспозиции при порождении смысла, свойственном феномену перевода, точнее: явлению асимметрии и невозможности полного перевода. Явление транспозиции в разных перспективах проявляет себя в качестве смыслопорождающей силы, реализуемой в движении перемещений контекстов. Как мы видели, это включает в себя как микроконтексты (бинарность), так и макроконтексты (частные / локальные структурные контексты; подмножества; субтексты; субсемиосферы; внешние / внетекстовые контексты и т. д.), а также в механизмах их умножений – творение плюральных, комплексных литературно-семиотических систем как частичных и глобальных контекстов. Не будет лишним показать эти три направления, обеспечивающие структурно-семантическую аналогию и таким образом инвариант кода семиотической системности, в виде отдельной таблицы:

Переложение контекстов

Микроконтексты – бинарность и разного типа семантические соотнесенности микроэлементов;

Макроконтексты – частные / локальные структурные контексты; подмножества; субтексты; субсемиосферы; внешние / внетекстовые контексты и т. д.

Умножение контекстов – возникновение плюральных, комплексных литературно-семиотических систем как частичных и глобальных контекстов.

4. ЕЩЕ РАЗ О ТРАНСПОЗИЦИИ В СВЕТЕ УСЛОВНОСТИ

Реляция определенного типа упорядоченности и, как Лотман выражается, «противонаправленной упорядоченности» представляет собой принцип дифференциации не просто по одному дифференциальному признаку в духе структуралистского мышления, куда на первый взгляд можно легко отнести бинарные противопоставления. Вернемся вновь к понятию сюжетного конфликта. Говоря о нем, следует подчеркнуть, что возникающее на перекрещении, пересечении двух «мыслящих» семантических миров напряжение выдвигает на передний план то, что мы могли бы назвать личностью литературного героя, которая воплощается – или обнаруживается ее зародыш – в характере героя (упорядоченность ситуации перекрещивается с противонаправленной ей упорядоченностью характера героя, см. ЛОТМАН 1971: 283). А характер Лотман считает семантической парадигмой. Характер как парадигма определен не просто в качестве набора дифференциальных признаков в системе литературных персонажей, и «художественный образ строится не только как реализация определенной культурной схемы, но и как система значимых от нее отклонений, создаваемых за счет частных упорядоченностей» (ЛОТМАН 1970: 305). Именно конфигурация частных упорядоченностей в рамках образа обеспечивает ту семантическую индивидуальность (дифференцию характера от всех других), которая приводит в действие деавтоматизацию (здесь Лотманом, очевидно, используется термин, восходящий к формалистам), т. е. схему ожидания–нарушения. Эта динамика действует путем транспозиции таким же образом, как происходит проекция во всех структурах реляционных проекций (в рамках соотнесенности в смысле относительности). Деавтоматизация как порождение нового смысла (вспомним у формалистов остранение) обуславливает порождение новой условности. А когда Лотман думает уже не о самом литературном персонаже, а о «парадигмах большой сложности» (ЛОТМАН 1970: 285), например, о жанровой условности литературного произведения, то также подчеркивается требование двухслойного и двухступенчатого описания ожидания и нарушения или форм реализации в перспективе двух соотнесенных систем.

Исчезновение осознания условности литературного изображения (начиная с мельчайшего элемента до такой крупной парадигмы как упомянутая жанровая природа художественного текста) связано с усилением изоморфного отображения объекта. Такое усиление изоморфизма, по нашему мнению, можно представить себе так, что укоренившаяся в культурной традиции модель получает реализацию, которая максимально соответствует ожиданиям. Роль фантастического дискурса Лотман видит в том, что он способен разорвать автоматичность соотношения объекта изображения и речи о нем. В духе определения условности Лотманом и Успенским это значит разорвать связь между отображающей и отображаемой системами (в другой перспективе: между объектом и текстом) (ЛОТМАН–УСПЕНСКИЙ 1970). Активное познавательное действие возникает в отклонениях, в нарушениях, в разорванности автоматической условности. Любая условность может считаться естественной, а ее нарушение, если не фантастикой, то тем жестом дифференциации, который Лотман анализирует на всех уровнях литературного текста. В качестве наглядного примера можно привести толкование ученым «Евгения Онегина» Пушкина, где он указывает на две дискурсивные линии внутри романа – романа, который говорит в одно и то же время об истории своих главных героев и о том, как пишется роман, представляющий собою разные формы отклонения (в рифмах, в сюжете, в поэтическом языке и жанре)

от традиционных видов романа (Лотман 1995). Роман и метароман, которые уже никак не могут считаться проявлением бинарной противопоставленности, представляют собою лишь двуслойность, двуступенчатость толкования. Для того, чтобы интерпретировать, каким феноменом является роман в стихах «Евгений Онегин», читатель соотносит эти два плана. Реципиент художественного произведения следит за транспозицией вопроса литературного семиотического идентитета романа на уровень метатекста, т. е. романной авторефлексивности. В русле данной транспозиции мы осознаем сложное дифференцирование пушкинского романа от известных воплощений романного жанра.

Из сказанного явствует, что в случае самой сложной условности, жанровой личности литературного текста, смена условности (и разных подусловностей) порождает самый комплексный смысл.

5. ВЫВОДЫ

Транспозиция действует как главная семиотическая стратегия переложения самых разных контекстов внутри- и межтекстовых соотношений.

Эти контексты включают:

- простые бинарные и любые семантические взаимопроекции, в том числе и корреляции мотивов;
- развитие и иерархизацию структурных уровней внутри текста;
- смену любых (под)семиосферических условностей;
- глобальные литературные и культурные диалоги и полилоги, которые происходят в художественном произведении в области мировой литературы и культуры.⁵

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова 2009 = Автономова Н. С. *Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров*. Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2009.
- Кроо 2005 = Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского – герой, текст, интертекст. Санкт-Петербург: «Академический проект», 2005.
- Кроо 2019 = Кроо К. Нарративная и семиотическая динамика в «очерке» Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». В кн.: Лотман М., Кузовкина Т., Пилярчик Э. (ред.) *Динамическая структура текста. The Dynamic Structure of Text*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2019. 157–175.
- Лотман 1963 = Лотман Ю. М. О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры. *Вопросы языкознания* 1963/3: 44–52.
- Лотман 1964 = Лотман Ю. М. *Лекции по структуральной поэтике*. Вып. 1. *Введение, теория стиха*. (Труды по знаковым системам 1.) Тарту: Издательство Тартуского университета, 1964.

⁵ Продолжение изложения темы *транспозиции*, ее дальнейшую концептуализацию и прослеживание истории понятия в более широком – чем лотмановский – контексте семиотики литературы и культуры см. Kroo 2023.

- Лотман 1970 = Лотман Ю. М. *Структура художественного текста*. Москва, «Искусство», 1970.
- Лотман 1971 = Лотман Ю. М. Заметки о структуре художественного текста. *Труды по знаковым системам* 5 (1971): 281–287.
- Лотман 1984 = Лотман Ю. М. О семиосфере. *Труды по знаковым системам* 17 (1984): 5–23.
- Лотман 1995 = Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. В кн.: Лотман Ю. М. *Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 1995. 393–462.
- Лотман 2000a = Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы [1974]. В кн.: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. 543–556.
- Лотман 2000b = Лотман Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума [1977]. В кн.: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. 557–567.
- Лотман 2000c = Лотман Ю. М. Феномен культуры [1978]. В кн.: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. 568–580.
- Лотман 2000d = Лотман Ю. М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект [1981]. В кн.: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. 580–589.
- Лотман 2000e = Лотман Ю. М. Понятие границы [1996]. В кн.: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПб», 2000. 257–268.
- Лотман–Успенский 1970 = Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Условность. В кн.: Константинов Ф. В. (ред.) *Философская энциклопедия*. Т. 5. Москва: «Советская энциклопедия», 1970. 287–288.
- Печерская 2007 = Печерская Т. И. Сны о «Пиковой даме» (о странных сближениях и структуре семантического сюжета у Достоевского). В кн.: Фортунатов Н. М. (ред.) *Болдинские чтения*. Нижний Новгород: «Вектор-ТиС», 2007. 107–114.
- Пильщиков–Поселягин–Трунин 2018 = Пильщиков И. А., Поселягин Н. В., Трунин М. В. Проблемы генезиса и эволюции тартуско-московского структурализма в работах Ю. М. Лотмана 1960-х и начала 1970-х годов. В кн.: Лотман Ю. М. *О структурализме. Работы 1965–1970 годов*. (Bibliotheca Lotmaniana.) Таллинн: Издательство ТЛУ, 2018. 7–62.
- Салупере 2017 = Салупере С. *О метаязыке Юрия Лотмана: проблемы, контекст, источники*. (Dissertationes Semioticae Universitatis Tartuensis 27.) Tartu: University of Tartu Press, 2017.
- Сегал 1992 = Сегал Д. История и поэтика у Мандельштама. Становление поэтического мира. *Cahiers du Monde russe et soviétique* 33 (1992): 447–495.
- Сузрюкова 2023 = Сузрюкова Е. Л. Событийный и семантический сюжет в циклах рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство» и «Из воспоминаний детства». *Вестник Воронежского государственного университета* 2023/1: 58–62.
- Тынянов 1977 = Тынянов Ю. Н. О композиции «Евгения Онегина». В кн.: Тынянов Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: «Наука», 1977. 52–77.
- Фаритов 2017 = Фаритов В. Т. Семиотика трансгрессии: Ю. М. Лотман как литературовед и философ. *Вестник Томского государственного университета* 419 (2017): 60–66.

HAWKES 1985 = HAWKES T. *Structuralism and Semiotics*. London: Methuen & Co., 1985.

KROÓ 2023 = KROÓ K. Intersemiotic Transposition in the Context of Literary Semiotics. In: KROÓ K., JURACSEK K., OJAMAA M. (eds.). *Intersemiotics & Cultural Transfer*. Budapest: Eötvös Loránd University, Intersemiotics & Cultural Transfer Research Group, Tartu: University of Tartu, Transmedia Research Group, 2023. 45–73.

KROÓ–TOROP 2018 = KROÓ K., TOROP P. Text dynamics: Renewing challenges for semiotics of literature. *Sign Systems Studies* 46 (2018): 143–167.

LOTMAN 1979 = LOTMAN J. The future for structural poetics. *Poetics* 8 (1979): 501–507.

KATALIN KROÓ

Department of Russian Language and Literature,
Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

The Conceptualisation of Transposition in Juri Lotman's Semiotics of Literature

The paper investigates the semiotic phenomenon of *transposition*, making an attempt to grasp and elaborate its conceptual definition within the overall framework of cultural semiotics and in Juri Lotman's semiotics of literature in particular.

If the notion of transposition is linked to such fields of study in cultural semiotics as transmediality, translation studies, intertextuality, interdiscursivity, intersemiotics, etc., in Lotman's semiotics of literature, it is conceptualised – directly or indirectly, without presenting transposition as a key term – in the light of such notions as border; context (cf.: “contextual structures”, “constructive contexts”, “semantic structures”); semantic ordering / arranging / systematisation (uporyadochennost’), including “partial” and “complementary” ordering; semiotic conditionality (uslovnost’); binarism and pluralism; plurality (mnozhestvo) and subplurality (podmnozhestvo); semiosphere and subsemiosphere, etc.

The list of the components of the notional grounding for the research into the nature of transposition in itself requires the clarification of an extensive terminological field and the internal correlations between its components. At the same time, the examination of the given concepts on the basis of reading and referring to quite a few works by Lotman (chronologically spanning from 1963 up to works from the 1990s), scholarly texts emerging in a process of and testifying to his scientific achievement, permits us to underline the coherence and the internal text-connectedness of the theoretical work belonging to his so-called „structuralist” and „poststructuralist” periods.

The paper aims to reveal the harmonisation of the Lotmanian concepts in his various approaches to the literary text, oriented towards the understanding of its intra- and extratextual forms of cultural communication. As a result, transposition is identified and explained as the criterion of textual dynamics. This dynamics is interpreted in terms of meaning-engendering processes based on the operation of *differentiation*, revealed in various dimensions – in the categories of relational operations and semantics, the mutual projection of micro- / macro-elements and -contexts, and the shift of their ordering (uporyadochennost’). These shifts embody transpositions conveying semantic transformations and leading to the emergence of new semiotic conditionalities.

Transposition, in the long run, is considered as a semantic generator working for the realisation of the event (sobytie) suggested by Lotman to be a kind of transgression, “the shifting of a persona across the bor-

ders of a semantic field” (a definition from 1970). Similarly, transposition is responsible for the development of the semantic “syuzhet” in the literary work, for the multiplication of binary formations being included into a plural semiotic space, and also for the development – the emergence and the change – of semiotic conditionalities in the poetics of the literary text and in its cultural metadiscourse.

Keywords: transposition, semiotics of literature, Juri Lotman, context / contextual structures, conditionality, binarism, the shift / transformation of the ordering, semantic border, textual dynamics, meaning-generation

Open Access. This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited, a link to the CC License is provided, and changes – if any – are indicated. (SID_1)

